

Российская Академия наук
Институт лингвистических исследований

Н.Б.Вахтин

СИНТАКСИС ЯЗЫКА АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

Библиотека ЭУСПБ
с научными исследованиями.
С.04.95 Вахтин

Издательство Европейского Дома
Санкт-Петербург
1995

Введение

В 40-60-е годы эскимология в Советском Союзе, которая тогда еще только зарождалась, была занята первоочередной задачей – фиксацией лексики [Рубцова 1954], изучением звукового строя и морфологии языка [Меновщиков 1962, 1964, 1967, 1975, 1980]. Частные вопросы синтаксиса освещались в грамматиках, но лишь в той мере, в какой это было нужно для описания частей речи и употребления некоторых грамматических форм, например, в главах о значении падежей, в разделах, посвященных категории лица финитных и нефинитных форм и пр. Частным вопросам синтаксиса были посвящены единичные работы, такие, как [Меновщиков 1967], систематически синтаксис эскимосского языка не описывался.

Лишь в конце 70-х – начале 80-х годов Г.А.Меновщиков обратился к исследованию синтаксиса (см. [Меновщиков 1974, Меновщиков 1980]). В этих работах имеется ряд интересных и ценных наблюдений над синтаксическим строем языка азиатских эскимосов (ЯАЭ), собран и систематизирован большой материал. Однако в них также отсутствует систематическая концептуальная разработка синтаксиса языка как целостной системы, как особого языкового уровня. Описание синтаксиса, данное Г. А. Меновщиковым, во многом остается описанием с морфологических позиций: автора интересовали не столько сами синтаксические правила и значения, сколько функционирование морфологических форм. В ряде статей рассматриваются отдельные синтаксические проблемы – такие, как вопрос об основных конструкциях предложения [Меновщиков 1967], неординарные случаи управления [Меновщиков 1974], зависимая предикация [Меновщиков 1980], и некоторые другие. Между тем для целостного описания необходим функциональный подход, движение от семантико-синтаксических функций, таких, как предикат, актанта, синтаксическая связь, предикативная единица и др., к формулированию правил синтеза грамматических предложений.

Целью предлагаемой вниманию читателя работы является систематическое описание, на основе обширного полевого материала, на-

именее разработанного участка грамматики (ЯАЭ), а именно – его синтаксиса.

Существующие монографические описания диалектов ЯАЭ [Меновщиков 1962, 1964, 1967, 1975, 1980; Емельянова 1982; Меновщиков, Вахтин - в печати], а также американские работы по диалектам эскимосов Аляски посвящены, в силу особенностей грамматического строя ЯАЭ, преимущественно морфологии. (Исключение составляет появившаяся сравнительно недавно докторская диссертация [de Reuse 1988], некоторые разделы которой посвящены исследованию собственно синтаксических проблем ЯАЭ.) Однако в том виде, как она формулируется здесь, задача систематического описания синтаксиса применительно к ЯАЭ никогда прежде не ставилась.

В данной работе, говоря "эскимосский язык", мы имеем в виду так называемый язык азиатских эскимосов (ЯАЭ), который включает в действительности два близкородственных языка: чаплинский и науканский. Чаплинский распространен на юго-востоке Чукотского полуострова (Провиденский район) и на острове Св. Лаврентия (США); он включает три говора: сивукакский (США), уназикский и имтукский. Науканский распространен на северо-востоке Чукотского полуострова (Чукотский район). По-чаплински говорит около 1.500 человек, по-наукански – около 50 человек. Работа базируется преимущественно на материале чаплинского языка.

Материалом работы послужили фольклорные и бытовые разговорные тексты ЯАЭ, главным образом чаплинского языка, записанные в разные годы ныне покойными исследователями эскимосского языка Е. С.Рубцовой, Г.А.Меновщиковым, Н.М.Емельяновой¹, а также полевые записи автора, сделанные во время лингвистических экспедиций в 1974, 1977, 1980, 1984, 1985, 1988 и 1990 годах. Полевой материал, собранный автором, составляет ту основу, на которой базируется данная работа.

Кроме того, материал включает и экспериментальные данные: предложения, сконструированные информантами, трансформы текстовых примеров, данные различных анкет. При работе над полипредикативным предложением автор широко пользовался синтаксическими анкетами, составленными сотрудниками сектора языков народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР, которым автор также выражает свою искреннюю признательность.

При разработке того или иного синтаксического вопроса предпоч-

тение отдавалось текстовым, а не экспериментальным материалам: данные, полученные в ходе эксперимента, не считались окончательно достоверными, пока не получали независимого подтверждения в виде текстовых примеров.

Фразовые примеры даны в работе в записи, приближающейся к транскрипции. Эта запись отличается от стандартной "школьной" орфографии двумя моментами: а) сочетания /ja/, /ju/ в орфографии обозначаются, соответственно, буквами "я", "ю", в транскрипции — как "йа", "йю"; б) звуки /a/, /u/ после мягких /s'/, /l'/ в орфографии обозначаются буквами "я", "ю" (сявик, сюна), в транскрипции — буквами "а", "у" (савик, суна).

По всему тексту работы, иллюстрируя новое положение или вводя новый материал, автор старался вначале дать два-три фразовых примера "в три строки": эскимосский пример, полный поморфемный перевод, литературный русский перевод. Дальнейшие примеры даются просто с переводом, оформленным по возможности в соответствии с нормами русского литературного языка. В тех случаях, когда буквальный и литературный переводы значительно расходятся, в скобках с пометой "букв." дается пословный (иногда поморфемный) перевод соответствующего фрагмента предложения.

Естественно, что работа, посвященная синтаксису предложения в языке, не имеющем развитой письменной традиции, вынуждена базироваться исключительно на материале устной речи, фольклора и данных лингвистического эксперимента. Устная речь, как известно, характеризуется высокой степенью вариативности, и поэтому для адекватного описания ее синтаксиса обычно необходимо гораздо большее число правил, чем для описания синтаксиса письменной речи. Говорящий часто обрывает фразу в "неожиданном" месте, начинает другую, дополняя речь жестом, мимикой, интонацией, темпом и экспрессивностью произнесения. Паузы, слышные в устной речи, часто мотивированы не структурой предложения или периода, а иными причинами. По справедливому замечанию М.И. Черемисиной, для бесписьменного языка вопрос о правой границе предложения, то есть вопрос о том, точку или запятую ставить, целиком "дело совести" исследователя [Черемисина 1980]. И если фольклорный текст еще более или менее стандартизован, "отлит" в устойчивые словосочетания, предложения и целые блоки, то при обращении к материалу бытовой речи ее вариативность ставит перед исследователем очень серьезные проблемы.

Вот пример из сделанной нами записи устной речи. Информант

отвечает на вопрос, кто из жителей поселка мог бы рассказать о брошенном ныне поселке Кивак (пауза обозначена знаком /, двойная пауза – //, предполагаемая граница предложения – ///):

Итупиль сх'а кана Амаму / К'ивам кийаг'ныг'анын' // К'ивами ан'ликак' /// К'ивам кийаг'ныг'анын' // ивын пикнья Улгугйи К'иваг'микувинг'ак' /// такут К'ивам кийах'талъх'а тоцна апых'лъык'ат///

Лучше вот этот Амаму / Кивака жизнь // в Киваке выросший /// Кивака жизнь // тоже тот Ульгугйи бывший-кивакский /// эти Кивака жизнь точно расскажут ///

Интуитивно ясно, что здесь перед нами нарушение какой-то схемы: пропущены слова, одна единица вставлена внутрь другой, допущены повторы. Нам представляется, что задачей описательного синтаксиса как раз и является описание именно этой структурной схемы, того языкового "каркаса", на котором строится реальная разговорная речь.

Специфика эскимосского материала заставляет внести коррективы в традиционные для отечественного языкознания теории и модели описания и выработать понятийный аппарат, который наиболее соответствовал бы материалу ЯАЭ. В каком-то смысле ЯАЭ повезло: географическое положение юпикской семьи и тот факт, что входящими в нее языками занимались как российские, так и американские лингвисты, с самого начала поставил изучение этих языков в привилегированное положение: исследователи постоянно вынуждены были опираться на две традиции – русскую и американскую.

Даже в 1960-70-е годы, когда сам факт наличия серьезной американской лингвистики часто отрицался в нашей стране и о ней если и говорили, то лишь со снисходительной улыбкой превосходства (непонятно, на чем базировавшегося) – как, впрочем, и факт наличия серьезной лингвистики в СССР отрицался многими в США, – эскимологи обеих стран не только хорошо знали, но и использовали достижения друг друга – то есть сохраняли, со всеми оговорками, нормальное состояние науки, когда область применения ее методов и использования результатов не зависит от государственных границ.

В частности, идея вербоцентрического подхода к анализу структуры предложения, так трудно пробивавшая себе дорогу в нашей стране, как-то всегда считалась в эскимологии само собой разумеющейся – отчасти потому, что она как нельзя лучше соответствует структуре описываемого языка, отчасти – потому, что эти идеи пи-

тались разработками американских ученых-эскимологов. То же можно сказать о морфемном анализе, подробно разработанном в американской традиции, в противовес словообразовательному анализу, на котором, в силу особенностей строя русского языка, сосредоточилась отечественная наука; взаимное проникновение этих идей сформировало в эскимологии (в частности, в области исследования таких глагольных категорий, как время и наклонение) ту здоровую и плодотворную атмосферу взаимного обогащения, которая только и может считаться нормальной для развития любой научной отрасли.

Конечной целью современных грамматик является создание логически стройного и формализованного описания языка. Об этом пишут многие языковеды, занятые проблемами общего языкознания; ср. следующее высказывание Н.Хомского: "Человек, выучивая язык, осваивает систему правил, которые соотносят определенным образом звук и значение. Языковед, создавая грамматику языка, по сути предлагает гипотезу о действии этой освоенной системы" [Chomsky 1968: 23]. "Целью работы языковеда является, с одной стороны, определить систему правил, которые составляют знание языка, и, с другой стороны, вскрыть принципы, лежащие в основе этой системы" [Chomsky 1968: 24].

Однако до настоящего времени ни одна грамматическая теория не достигла этой эксплицитно сформулированной цели даже в первом приближении, хотя отдельные удачи есть у каждой из них. И если типологам удастся обосновать непротиворечивость какой-либо грамматической теории, привлекая разнообразный языковой материал в качестве иллюстраций, то исчерпывающе описать даже один языковой уровень, оставаясь в пределах этой теории, вряд ли пока возможно. Есть серьезные основания считать, что задача построения формальной, непротиворечивой модели языка как целостной системы при современном уровне наших знаний о языке недостижима. Язык сопоставим по сложности с мышлением; построение полной адекватной модели естественного языка сравнимо по масштабам с построением полной адекватной физической картины мира, притом что силы и средства, которые человечество уделяет той и другой задаче, явно несоразмерны. См. [Givon 1979].

Если это так, то любая грамматика, претендующая на полную строгость и формальность и исключая обращение к другим, нестрогим и неформальным либо сформулированным в терминах иной системы описания фрагментам, заранее и сознательно связывает себе руки и обедняет результаты исследования. Очевидно, правы те, кто

выступает против сведения задачи языкознания к обнаружению системности любой ценой: этой системности в отдельных участках может просто не быть либо она может лежать в областях, которых пока не касались точные методы лингвистики, и мы пока не умеем ее обнаружить. Эта позиция достаточно эксплицитно выражена, например, И.Г. Милославским, который пишет: "Задача исследователя состоит именно в том, чтобы объективно исследовать язык, принципиально допуская возможности существования различно организованных участков" [Милославский 1980: 19].

Подчеркнем, что стремление к системности, к формализации – это, без сомнения, одна из основных и самых мощных движущих сил современного языкознания. Однако исследователь-практик должен отдавать себе отчет в том, что уровень развития лингвистической теории пока что не дает ему возможности построить единую формальную модель, которая могла бы полностью описать материал ранее не описанного языка; а раз так, то недопустимо сознательно ограничивать изложение добытых фактов лишь теми, которые хорошо укладываются в избранную модель.

Из этого следует положение о принципиальной эклектичности описательной лингвистики. Поскольку основной, главной, первоочередной ее целью является введение в научный оборот новых фактов, материала ранее неизвестного языка, то для выполнения этой цели исследователь вправе пользоваться любыми теоретическими разработками, которые соответствуют описываемому материалу и которые иногда обнаруживаются в описаниях конкретных языков в самых причудливых сочетаниях.

(Характерно, что И.И.Ревзин, один из наиболее последовательных структуралистов, много занимавшийся вопросами машинного перевода и математической лингвистики, счел необходимым включить в свою обобщающую работу главку "Оправдание школьной грамматики"; он выдвигал, по выражению Вяч.Вс.Иванова, тезис о "единстве лингвистики", см. предисловие Вяч.Вс.Иванова к [Ревзин 1977], с. 3.)

В работе применяется динамический подход к описанию синтаксиса: конструкции предложений описываются как исходные и производные; формулируются правила вывода производных конструкций из ограниченного числа исходных, причем эти правила интерпретируются как динамическая модель.

Используются элементы реляционной грамматики, трансформации как средство "лингвистической диагностики", а также некоторые

понятия грамматики Теньера. При описании залоговых преобразований используется теория диатез.

Сбор языкового материала был бы невозможен без той неоценимой помощи, которую оказывали автору дикторы-эскимосы, и в первую очередь носители уназикского говора Аглю, Л.И.Айнана, Ф.Куяпа, О.М.Мумихтыкак (Асуя), Г.А.Наказик, М.И.Сигунылик, В.Н.Ятта и Ятылин, и носители имтукского говора В.М.Выйе, А.Нутаугье и Э. П.Фсюка. Всем им автор приносит свою искреннюю благодарность.

Работа состоит из двух больших частей: описание синтаксиса простого предложения² и описание синтаксиса сложного предложения. Первая часть работы несколько превышает по объему вторую часть, притом, что в устной речи на ЯАЭ собственно "простых предложений" очевидное меньшинство. Такой подход избран нами сознательно: во-первых, простое предложение онтологически является фундаментом всего синтаксического строя языка (ср. аналогичный подход в [К.Е.Гагкаев 1963]); во-вторых, применяемый нами динамический подход и анализ предложения как синтаксической репрезентации семантической предикатно-актантной структуры диктуют именно такое распределение внимания, поскольку структурные особенности полипредикативного предложения могут быть выведены из структурных особенностей монопредикативных предложений.

Каждый из двух разделов разбит на главы; примечания даны в конце глав и имеют в каждой главе отдельную нумерацию.

Примечания к введению

1. Тексты частично опубликованы [Рубцова 1954; Меновщиков 1988], частично находятся в архиве отдела палеоазиатских и самодийских языков ЛО ИЯ АН СССР и в частных архивах собирателей. Автор искренне признателен своим коллегам за предоставленную возможность пользоваться этими материалами.

2. Эта часть существенно переработана по сравнению с [Вахтин 1987], особенно в части уточнения системы описания и терминологии.

Глава 1

Основные принципы и проблемы описания эскимосского синтаксиса

1. О задачах первичного описания языка

Первичное описание языка, в особенности языка исчезающего, видимо, должно ставить перед собой две задачи. Основной целью является фиксация возможно большего по объему материала: вся фактическая информация об исчезающем языке в буквальном смысле слова не имеет цены. Вторая задача – подать материал в удобной для восприятия форме. Материал должен быть классифицирован в соответствии с какой-либо теоретической схемой, описан с использованием определенной системы понятий и терминологии. Эти два требования часто противоречат друг другу. Первое требует подхода от формы к значению, поскольку только этот подход гарантирует полную адекватность описания материалу именно данного языка; при описании от формы есть шанс, что языку не будет навязана никакая внешняя схема и что его материал будет описан достаточно полно. Однако такое описание неудобно для читателя – не-специалиста по данному языку, в особенности для типолога (а ведь именно типологи и – шире – "неспециалисты" чаще всего обращаются к подробному описанию); оглавления многочисленных книг, параграфы в которых имеют названия типа, например, *Формы на =ку/ =ка*", трудны для пользования и мало что говорят читателю.

Если же в качестве приоритетной избрана задача удобства описания для читателя, то есть если, скажем, тот же параграф будет называться "Условные зависимые формы", то встает вопрос: какую схему избрать, чтобы по возможности не исказить материал? Можно утверждать, что какая-то степень искажения неизбежна при любой схеме, однако задача состоит в том, чтобы это искажение было минимальным.

Для этого из описания должны быть устранены все те понятия,

относительно которых нет типологического подтверждения их универсальности, и в особенности те, относительно которых *есть* типологические подтверждения их неуниверсальности. Сюда относятся понятия и термины, специфичные для той или иной традиции описания, для тех или иных языковых семей или языковых типов, такие, как "вид", "артикль", "наклонение", "причастный оборот", "изафет", "подлежащее", "придаточное предложение", и т.п. Язык описания должен быть по возможности универсален и использовать лишь те термины, относительно которых наименее вероятны терминологические споры и различные понимания. Схема описания, по нашему мнению, должна быть при этом наиболее нейтральной, наименее, так сказать, "заметной", максимально типологически широкой; кроме того, она должна играть сугубо вспомогательную, подчиненную главной задаче роль.

Так, например, при описании простого предложения мы не пользуемся терминами "подлежащее" и "прямое дополнение"; неуниверсальность этих понятий широко известна (см. ниже). Вместо этих терминов мы будем пользоваться понятием "синтаксические позиции" и учитывать оформление именных групп, заполняющих эти позиции, в зависимости от их соответствия единицам семантического уровня (агенса, субъекта, пациенса, адресата и др.).

Далее, наличие в ЯАЭ большого числа разнообразных нефинитных форм полностью исключает возможность использования при описании сложного предложения таких терминов, как "придаточное предложение", "причастный оборот" и подобные. Критерии разграничения "оборотов", "осложненных оборотов", "придаточных предложений" и т.п. для ЯАЭ совершенно не ясны, да и вряд ли выработка таких критериев, попытка обязательно вписать материал нового языка в прокрустово ложе традиционной схемы имеет какой-то смысл. Опыт тюркологов демонстрирует неперспективность попыток применить традиционную "европейскую" схему описания к материалу языка с иной системой синтаксического устройства так, чтобы это немедленно не вызвало затяжных терминологических споров, в которых безнадежно тонет существо дела. См. подробно главу 7.

Здесь необходимо сделать еще одно предварительное замечание. Монопредикативные предложения, рассматриваемые в главах 3 – 5, не являются для ЯАЭ наиболее частотным типом предложения. Конечно, грамматически они являются совершенно правильными и свободно встречаются в речи, в особенности в диалогической; однако в повествовательных текстах значительно частотнее полипредика-

тивные предложения, объединенные в достаточно длинные периоды, которые часто ставят исследователя в затруднительное положение при попытках определения границ предложения.

2. Эскимосский синтаксис и эргативность

2.1. О понятии эргативности

Существует достаточное число обзоров точек зрения на эргативность, очерков истории "внедрения" понятия эргативности в общую лингвистическую теорию. Из старых работ можно сослаться на превосходный обзор А. Чикобава [Чикобава 1950], или на более новый обзор, сделанный Г.А. Климовым [Климов 1973], или на работу Д. Нэш [Nash 1977, ms]. Достаточно сказать, что, столкнувшись с принципиально новым явлением на материале баскского, затем кавказских, затем индейских языков, исследователи высказали множество ценнейших замечаний, сформулировали ряд тонких и точных наблюдений и ввели в лингвистический оборот обширный материал. Хотя им и не удалось создать универсальную "теорию эргативности", их работа способствовала осмыслению этих новых фактов и первичному включению их в теоретические рамки лингвистической науки.

В целом в развитии представлений о сущности эргативной конструкции (ЭК) можно выделить три этапа. Первый этап характеризовался подходом к ЭК как к особой, в высшей степени странной конструкции, экзотической особенности, присущей ограниченному числу малоизвестных языков. На этом этапе ЭК – это конструкция, в которой подлежащее стоит в "эргативном", а прямое дополнение в "именительном" падеже; этим и ограничивается ее необычность (ср. соответственно работы К. Уленбека, Х. Шухардта и др.).

Второй этап в изучении эргативности начался, когда был собран материал разных языков и когда к исследованию этого явления подключились кавказоведы. Стало ясно, что недостаточно просто поместить ЭК в "языковедческую кунсткамеру": необходимо "вписать" ее в лингвистическую теорию – а это не такая простая задача, как казалось сначала. Вначале была сформулирована мысль о том, что падеж с нулевым окончанием в ЭК – это не то же самое, что именительный [Чикобава 1950]. В 1967 году вышел сборник, посвященный проблемам эргативности [ЭКПЯРТ-1967], в предисловии к которому И.И. Мещанинов писал об ЭК уже не как о структуре одного

предложения, а как о системе двух конструкций. Для И.И.Мещанинова (как и для подавляющего большинства современных ученых) ЭК – это пара

$$\left\{ \begin{array}{l} Nabs + Vi \\ Nerg + Vt + Nabs \end{array} \right.$$

а из такого понимания естественно следовало, что неверно, будто непереходное предложение номинативно: падеж подлежащего при непереходном глаголе – не именительный, в эргативном языке нет ни винительного, ни именительного падежа. "...Если абсолютный падеж эргативной конструкции не соответствует именительному падежу номинативной конструкции, то и выступление его подлежащим в непереходном предложении образует эргативную конструкцию, а не номинативную" [Мещанинов 1967: 8]. Новое понятие "эргативный строй", также сформулированное И.И.Мещаниновым, привело к тому, что впервые к ЭК стали относиться как к системному явлению, затрагивающему основы языка.

В 1970-х годах явления, связанные с понятием эргативности, снова привлекли внимание лингвистов. Говорили об "экспоненциальном росте" интереса к проблемам эргативности, об "эргативном буме". Такой интерес, по мнению А.Е. Кибрика, не случаен: он являлся естественным следствием переноса центра тяжести типологических исследований на проблемы содержательной типологии. "Важность явления эргативности для лингвистики не в ней самой, а в том, что она, противопоставляясь номинативности, позволяет осознать последнюю как частный способ построения предложения, а не как языковую универсалию и требует создания общей теории построения предложения, в которой номинативность и эргативность предстанут как элементы пространства логических возможностей, задаваемого универсальным языковым механизмом" [Кибрик 1979: 4].

Главной чертой работ 1970-х годов¹, посвященных проблемам эргативного строя, является то, что в них последовательно проводится дедуктивный подход к проблеме: понятие эргативности вначале определяется исходя из общих посылок, из принципиально возможных способов кодирования в языковой структуре элементов глагольного окружения, безотносительно к конкретной морфологии; затем дается исчисление вариантов реализации общей типологической схемы и только после этого – анализ грамматической системы того или иного